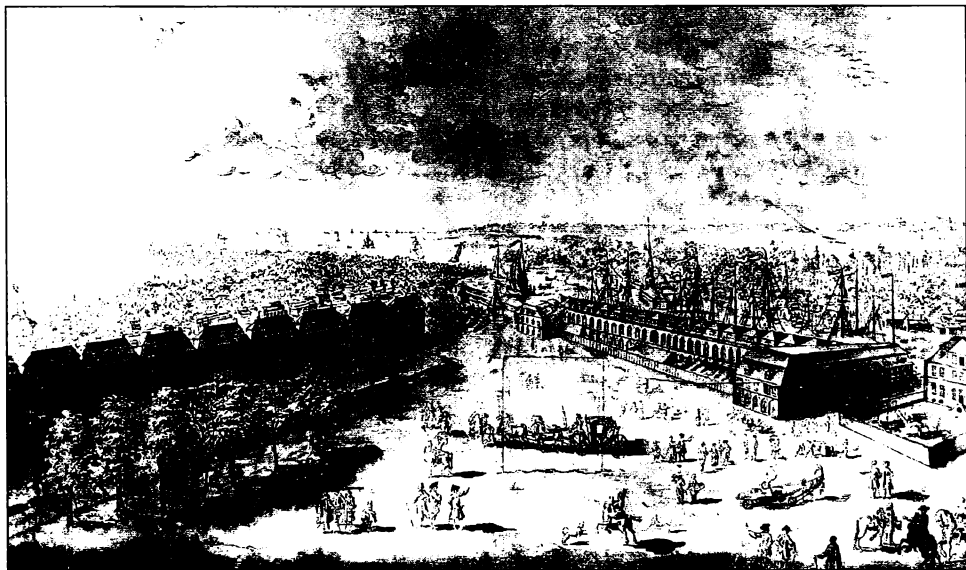

Два долгостроя на набережной

К концу 1710-х гг., как мы помним, Петр отказался от котлинского проекта и решил перенести центр города на Васильевский, были изданы указы о переселении петербуржцев на остров, строительстве здесь кварталов домов. Мельницы на Стрелке теперь оказались совсем некстати, и их начали переносить на левый берег Мойки.³⁵⁰ На Васильевский постепенно стала перебираться и власть. После пожара 1715 г. с Городовой стороны сюда перевели губернскую канцелярию. Теперь генерал-губернатор Меншиков мог ходить в нее пешком, что он и сделал в первый рабочий день

³⁵⁰ МИРФ. Ч. 3. С. 562.

Панорама Васильевского острова.
Здание Двенадцати коллегий, Гостиный двор. О. Эллигер. 1732—1735

1716 г., 7 января.³⁵¹ Потом на Васильевском задумали разместить новые учреждения — коллегии. О том, как забивали сваи под здание Двенадцати коллегий, сказано раньше — под некоторыми из коллегий оказалось попросту болото, которое с большими трудностями пришлось засыпать землей и камнями. Первоначальный проект сделал Доменико Трезини, в 1722 г. состоялась закладка. Вся площадь здания была разбита на 12 участков. Начиная от Невы участки застраивались таким образом: 1 — «Аудиенц-камера» (зал торжественных приемов), 2 — Сенат, 3 — Коллегия иностранных дел, 4 — Военная, 5 — Адмиралтейская, 6 — Юстиц-, 7 — Камер- и Штатс-контор, 8 — Коммерц-, 9 — Берг-, 10 — Мануфактур-коллегия, 11 — Главный магистрат, 12 — Синод. Число коллегий в ходе государственной реформы и непрерывных реорганизаций часто менялось. Сначала коллегий было 9 (в 1720 г.), потом их стало 12 (именно в 1722 г.), затем, в 1723 г., их было 11, в 1725-м — 12, в 1727 г. — 9 и т. д.³⁵² В 1724 г. известны такие части здания: Аудиенц-камера, Сенат, Коллегия иностранных дел, Военная, Адмиралтейская, Юстиц-, Камер-, Коммерц-, Берг-, Мануфактур-коллегия, Главный магистрат, Вотчинная коллегия. Всего 12 частей.³⁵³

³⁵¹ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой // Русский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2000. Вып. 10. С. 19.

³⁵² Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 150.

³⁵³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44. Л. 155.

В начале возведения здания Двенадцати коллегий был принят отдельный принцип стройки: каждая коллегия строилась своими силами и, несмотря на общее руководство со стороны Трезини, это существенно замедлило окончание всего дела. Кроме того, в 1724 г. Петру почему-то проект Трезини разонравился, в феврале он поручил работу Т. Швертфегеру,³⁵⁴ строившему Александро-Невский монастырь, а потом провели архитектурный конкурс на проект завершения здания. Участвовали в нем кроме Д. Трезини Т. Швертфегер и Б. Ф. Растрелли, однако Петр умер, и достройку вел дальше Трезини. Но и он не дожидаясь окончания здания. Только в 1734 г. Джузеппе Трезини закончил здание, хотя и после этого еще семь лет достраивал галерею вдоль западного фасада. Словом, достройка продолжалась 19 лет! Но учреждения начали въезжать в здание уже в середине 1720-х гг., согласно надписи на плане Васильевского острова Майера (1738 г.), Адмиралтейская коллегия переехала туда в 1724 г. До этого известно, что был объявлен подряд на изготовление изразцовых печей в «полату, где будет Адмиралтейская коллегия».³⁵⁵

В истории этого самого длинного в России сооружения (только его коридор — более 400 м) есть любопытная деталь, на которую обратила внимание М. В. Иогансен. Перелом крыши каждой из двенадцати коллегий не соответствует поперечным капитальным стенам самих коллегий.³⁵⁶ Иначе говоря, смысла в соединении всех этих самостоятельных зданий именно в виде длинного сооружения не было никакого, кроме, пожалуй, исторического. Дело в том, что новое здание повторяло в плане здание «мазанковых канцелярий» на Троицкой площади, которое, в свою очередь, воспроизводило схему устройства здания приказов в Кремле: длинный ряд самостоятельных палат, сплоченно стоявших торец к торцу. Но если в Москве эта длинная «колбаса» возникла сама собой (по мере надобности, при образовании нового приказа, к торцу уже стоящего приказа пристраивался новый и т. д.), то в Петербурге ни «мазанковые канцелярии», ни коллегии таким же образом размещать не было никакой необходимости: известно, что государственные учреждения строили и в виде каре, и «покоем», и в несколько рядов. В таком формальном, слепом следовании московским традициям — один из любопытных аспектов петровской эпохи преобразований. По-видимому, как представлял себе государь центральные учреждения в виде длинной кремлевской «колбасы», так Трезини ему и планировал, не вникая в смысл того, что от него требуют.

Стоявшее поблизости здание Кунсткамеры строилось тоже долго. Заложили его в 1718 г. по проекту И. Маттарнови,³⁵⁷ а окончательно завершили в 1734 г., то есть через 16 лет! Правда, уже в 1727—1728 гг. здание

³⁵⁴ Там же. Л. 165.

³⁵⁵ Там же. Д. 25. Л. 191 об.

³⁵⁶ *Грозмани (Иогансен) М. В.* Строительство и начальный облик здания 12 коллегий // ВЛТУ. 1953. № 6. Сер. общественных наук. Вып. 2. С. 119—123.

³⁵⁷ *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 52—58.

было готово настолько, чтобы в него смогли переехать из Кикиных палат коллекции музея и библиотека. Это сооружение получилось необычайным для Петербурга, ни на что не похожим...

Отступление

«Куриозитас», сиречь Любознательность

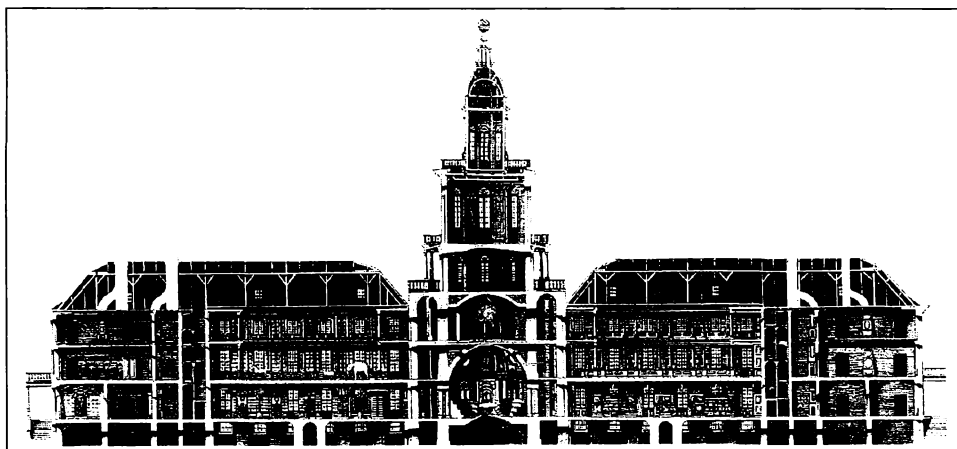
Удивительное здание отвечало необычности самой идеи его создателя. Намереваясь основать Академию, Петр уже заранее задумал построить для нее особое здание, в котором бы под одной крышей объединилась вся тогдашняя наука, он создавал храм знаний и редкостей — как тогда говорили, «Дом Соломона» по имени мудрейшего из библейских царей. В науке распространено мнение, что на Маттарнови, воплотившего замысел Петра, оказал сильное влияние его учитель, выдающийся прусский архитектор А. Шлютер — автор музейных зданий в Берлине.³⁵⁸

Сердцевиной здания, как и всей Академии, был универсальный музей — Кунсткамера. С самого начала в основу его коллекции было положено познавательное, исследовательское начало, присущее голландской системе коллекционирования, основанной на постижении мира. Недаром среди скульптур Земцова, украшавших здание, были такие: «Ингениум» («Дарование»), «Мемория» («Память»), «Адмирация» («Удивление»), «Дилигенция» («Внимание»), «Сапиенция» («Мудрость»), «Куриозитас» («Любознательность»), «Сциенция» («Наука»). В окружении таких суровых дам попробуй, студия, подремать среди банок с уродами!

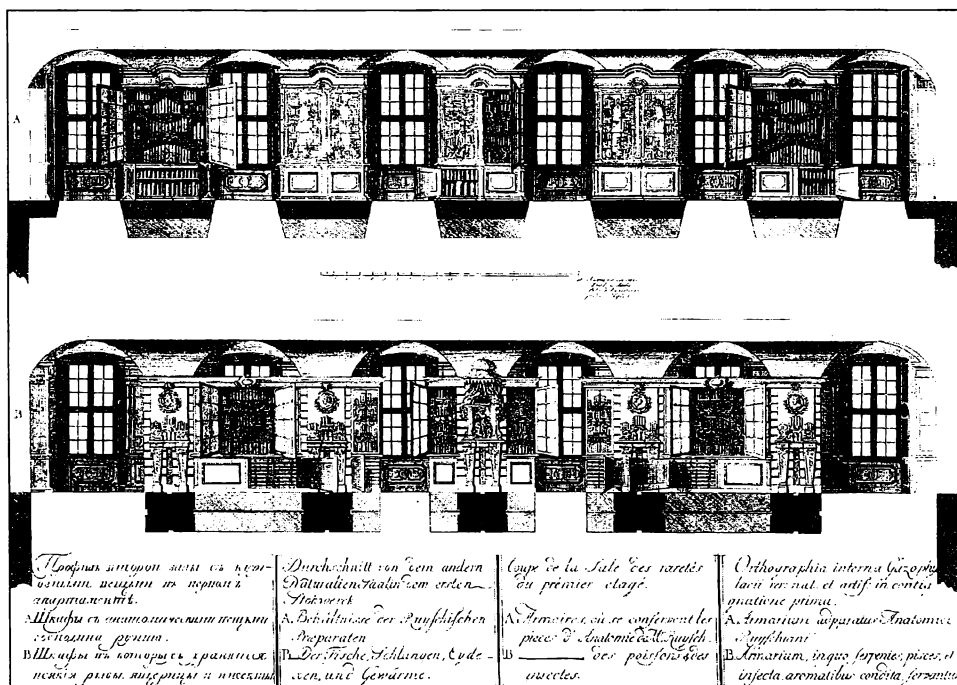
Основу Кунсткамеры составляли купленные Петром в Голландии собрания зоологических экспонатов Альберта Себы и анатомическая коллекция Фредерика Рюйша. В самой системе коллекционирования и хранения экспонатов была своя логика, последовательность, законченность. «Единицей» измерения был обширный шкаф. Он заключал в себе тезаурус — композицию, иллюстрировавшую какой-то процесс, явление природы. Изучая тезаурус, посетитель постигал мир.

Кроме того, наука того времени была назойливо назидательна, ученые любили поучать. Они, верившие в силу эмпирического знания, были самонадеянно убеждены, что могут силой знания исправить мир, воспитать нового человека. Поэтому кроме цели продемонстрировать последние болезни Рюйш боролся с самим пороком, ее породившим. Он сочинил такой тезаурус: искусно препарированная детская ножка, одетая в кружевные штанишки, подпирает женский череп, пораженный сифилисом. А рядом надпись: «Почему кусок этого черепа помещен под ножкой, сие

³⁵⁸ Грабарь И. Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. Л., 1994. С. 57—58; Калязина Н. В. К истории Петровской Кунсткамеры // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 65.

Разрез здания Кунсткамеры

Два разреза Большой залы Кунсткамеры. Г. Качалов. 1750—1753

легко можно постичь, ибо сия шлюха не приобрела бы своего недуга, если бы не ее гнусное занятие... все сие хранится в прозрачной жидкости». Бренности жизни посвящена «сухая» композиция: у подножья скалы из почечных камней стоят два детских скелетика. Один — смеющийся «Демокрит» с серпом в ручке — восклицает: «Поскольку в жизни приходится испытывать столько бед, я молча радуюсь, что освобожден от этого смертью», другой — «Гераклит» — рыдает в платочек из засушенной человеческой кишки и говорит: «Мы, лишенные этой сладкой жизни и отнятые от груди, вырваны злой смертью и положены в темную могилу». ³⁵⁹ Вот и стоит задумавшийся над сим противоречием какой-нибудь петровский юноша, пока к нему не подойдет за милостыней живущий при Кунсткамере монстр Фома Игнатьев. Он — из иркутских крестьян, прислан в Кунсткамеру согласно указу от 13 февраля 1718 г. о доставке в столицу уродов за что полагалась награда: за живых по 100 руб., за мертвых — по 15 руб. Фома был ростом 1 аршин 12 вершков (126 см), имел по восемь пальцев на ногах и руках, но ловко хватал предметы и монеты своими клешнями. Другой из монстров мог спустить штаны и показать полное отсутствие половых органов, вместо которых у него виднелся некий нарост, похожий на коровье вымя. Как писал современник, «все это до того отвратительно, что многие вовсе не могут видеть бедняка». ³⁶⁰ Возможно, речь шла о недоросле Якове Кузнецове, в 1720 г. присланном в Кунсткамеру, у которого «тайного уда нет и моча не держитца». Было предписано Якова «кормить и заставить что-нибудь работать, дабы без дела не был». ³⁶¹

Кунсткамера, давшая название всему зданию, составляла только часть его, другие части занимали Библиотека, Анатомический театр. Последний был для России невероятным явлением. Современному человеку трудно представить себя в таком театре. Публика собирается в зале, который напоминает арену маленького цирка. Звучит музыка (вроде увертюры), зрители шелестят программками. Вот в проходе, на самом дне арены, появляется величественный «оператор» в кожаном фартуке. Шум стихает, пол раздвигается, и наверх начинает медленно подниматься обширный стол, на котором лежит труп крупного мужчины. Оператор берет в руки блестящую пилу или ножницы, зрители с любопытством вытягивают шеи: начинается сопровождаемый пояснениями сеанс демонстрации человеческих органов... При этом профессор, как пишет бывший на такой же лекции в Голландии Б. И. Куракин, давал «всем осматривать и руками ощуповать, а то все тело было в спиртусах налито для того, чтобы духу не было смрадного. И тут видел, как кожа человеческая вель-

³⁵⁹ Лейендейк А. М. Моралистическое значение коллекции Фредерика Рюйша // Петри и Голландия. С. 118—119.

³⁶⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 106—108. См. также: Станюкович Т. В. Кунсткамера. С. 41—42.

³⁶¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 6. Л. 68 об.

ми толста... И весь тот человек был облublен кожей, только сало или жир с мясом, а кожа вся снята...».³⁶² Достаточно, мы спешим!

На строительстве Кунсткамеры «сломали зубы» несколько архитекторов. Проект здания разработал Г. И. Маттарнови и приступил к строительству, но в ноябре 1719 г. умер, успев только вывести фундамент и начать кладку стен. Дело покойного продолжил Н. Гербель, но без любви — проект был для него чужой, да и своих дел хватало (он строил одновременно дом Ягужинского, Партикулярную верфь, Конюшенный двор, Исаакиевскую церковь и др.). Неудивительно, что в 1721 г. в Городовой канцелярии было отмечено, что определенный к тому строительству главным архитектором Гербель «к тому строению не бывает и оно не надсматривает, от чего оному строению чинитца остановка».³⁶³

Петр был явно раздражен затяжкой строительства, и распорядитель работ полковник Илья Лутковский сообщал Науму Сенявину, что государь «изволит говорить: для чего библиотека и куншткамор не доделываетца каменною и прочею работою?». Работа возобновилась, и 6 августа 1723 г. Лутковский доложил Сенявину, что «у строения Библиотеки и Куншт-каморы башню кирпичом... начали».³⁶⁴ Однако вскоре выяснилось, что возникли серьезные проблемы. В июле 1724 г. Наум Сенявин «будучи... у строения Куншт-каморы и Библиотеки и усмотрел, что в Куншт-каморе каменным строением начали два столба и свод рушитца». Это было крайне неприятно: по-видимому, грунт оказался слабым и здание дало трещину. Для совещания на месте он призвал архитекторов Доменико Трезини, Киавери, Гербеля, ван Свитена, Ферстера, чтобы они «с общего совету предложили, каким образом те столбы и своды можно укрепить и глобус как в том месте поставить».³⁶⁵

В мае 1725 г. Сенявин издал специальный указ, требуя «поспешать достройкою... Куншт каморы, которой дом делаетца на Васильевском острову». По-видимому, к этому времени основу Кунсткамеры укрепили и в 1725 г. уже доделывали башню.³⁶⁶ Внешним оформлением и внутренним убранством долго занимались Киавери, Земцов и И. Я. Шумахер — брат правителя Академической канцелярии. Деревянный купол на Кунсткамере был поставлен только в 1729 г.³⁶⁷

С момента начала строительства Кунсткамеры Петр решил, что здесь, на Васильевском, будет центр русской науки. В феврале 1724 г. Петр

³⁶² Куракин Б. И. Дневник и путевые заметки // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 142.

³⁶³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 266. Л. 486.

³⁶⁴ Там же. Оп. 4. Д. 580. Л. 5, 7.

³⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 44г. Л. 1438. См. также: Лисаевич И. И. Доменико Трезини. С. 57.

³⁶⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 4. Л. 4; Грабарь И. Э. Петербургская архитектура... С. 58.

³⁶⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 70. Л. 4 об.

распорядился отписать на Академию наук бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны (стоял на месте нынешнего Зоологического музея) и «оной дом достроить».³⁶⁸

Портрет на фоне города

Царица Прасковья Федоровна, или Зеркало смерти

Поздней осенью 1723 г. в столице состоялись первые настоящие царские похороны — торжественные и долгие. Хоронили царицу Прасковью Федоровну. Это была последняя русская царица XVII в. В 20 лет ее — настоящую русскую красавицу из знатного рода Салтыковых — статную, с длинной русой косой и здоровым румянцем во всю щеку, выдали замуж за старшего брата Петра I, царя Ивана Алексеевича — человека слабоумного. Произошло это в 1684 г. Когда Иван в 1696 г. умер, Прасковья осталась с тремя дочерьми: Екатериной, Анной и Прасковьей. Они жили в загородном дворце Измайлово у тихих прудов, среди цветущих вишневых садов. Между тем вокруг кипела жизнь — Петр строил новую Россию. В 1708 г. перемены добрались и до тихого убежища Прасковьи. Петр приказал вдовствующей царице с дочерьми перебираться в Петербург, где поселил их в холодном, неуютном доме на Песках. Прасковья покорилась воле царя без слов. Внешне недалекая и простоватая, царица была умна и осторожна, сторонилась интриг и заговоров. Поэтому Петр дружески относился к Прасковьей.

Из трех дочерей Прасковья больше всех любила старшую, Екатерину, которую ласково называла «Катюшка-свет», — веселую, толстую, разбитную хохотушку. Долгие годы Катюшка провела в Мекленбурге, замужем за герцогом Карлом Леопольдом. Брак этот был несчастлив, муж держал Катюшку в черном теле. Дошедшие до нас письма Прасковьи к дочери пронизаны трогательным сочувствием, нежным теплом и тоской, которая еще больше усилилась после рождения у Катюшки дочери, Анны Леопольдовны. «Да посылаю тебе, свет мой, гостинцы, — пишет царица трехлетней внучке, — кафтанец теплый для того, чтоб тебе тепленько ко мне ехать... Да посылаю тебе свои глаза старые (тут в письме по-детски нарисованы два глаза. — Е. А.), чуть видят свет, бабушка твоя старенькая, хочет тебя, внучку маленькую, видеть... хочетца, хочетца... видеть тебя маленькую и подружитца с табою — старая с малым очень дружно живут». Потом Прасковья тяжело заболела. И тут, всегда покорная воле Петра, она взбунтовалась и вынудила царя вызвать Катюшку в Россию.

Встреча с дочерью и внучкой стала последней радостью умирающей царицы. Перед самым концом она попросила зеркало и долго-долго всмат-

³⁶⁸ Там же. Д. 580. Л. 14.

ривалась в свое лицо, пытаясь, может быть, разглядеть неуловимые черточки приближающейся смерти. Подчиниться воле царя и переселиться в новый дом на Стрелке Васильевского острова она не успела — дом не был еще построен. Прасковью похоронили в Александро-Невском монастыре. Через десять лет умерла и Катюшка. Еще через десять лет в заточении скончалась и Анна Леопольдовна. Но судьба была добра к ним: в конце концов эти три женщины, так нежно любившие друг друга и разлученные смертью, соединились навек — они лежат в одной могиле, под полом Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря.

Завершенный к 1724 г. дворец передали сначала под жилье мастерам Канцелярии от строений, а потом — Петербургской академии наук. Он так и назывался (в отличие от Кунскамеры): «Академия, что прежде назывались палаты царицы Прасковьи Федоровны».³⁶⁹ Во дворце разместились Канцелярия, мастерские, типография, академический университет, здесь же жили студиозы. В 1726 г., когда Академия была уже открыта, последовал указ Екатерины I, переданный Меншиковым: «Велено из построенных в прошедших годах на Васильевском острове во Французских улицах старые дома переносить и ставить на том же острове позади Библиотеки и Куншт-каморы и Окадемии, где жить господам професором, которые дома к тому и переносятца».³⁷⁰

Однако большая часть приехавших в Петербург ученых все же поселилась именно на Французских улицах, или, во «Французеской слободе», располагавшейся в начале 2-й линии.³⁷¹ Название квартала связано с тем, что именно тут жили французы во главе с Леблоном, Пино и другими мастерами. Там же обитали и другие иностранцы. Из документа 1724 г. следует, что где-то поблизости у Пино были мастерские: «На Васильевском острове в государевых избах, где работают мастеровые люди резно[го] мастера Пино».³⁷²

Петр был последователен в исполнении своего замысла о переводе столицы на Васильевский остров. На протяжении нескольких лет (по крайней мере, с 1714 г.) Трезини по воле Петра разрабатывал и переделывал проект застройки острова и его Стрелки, приспособливая его к генеральной идее царя: центр империи будет на Васильевском! Основу планировки Стрелки составило грандиозное здание Двенадцати коллегий.³⁷³

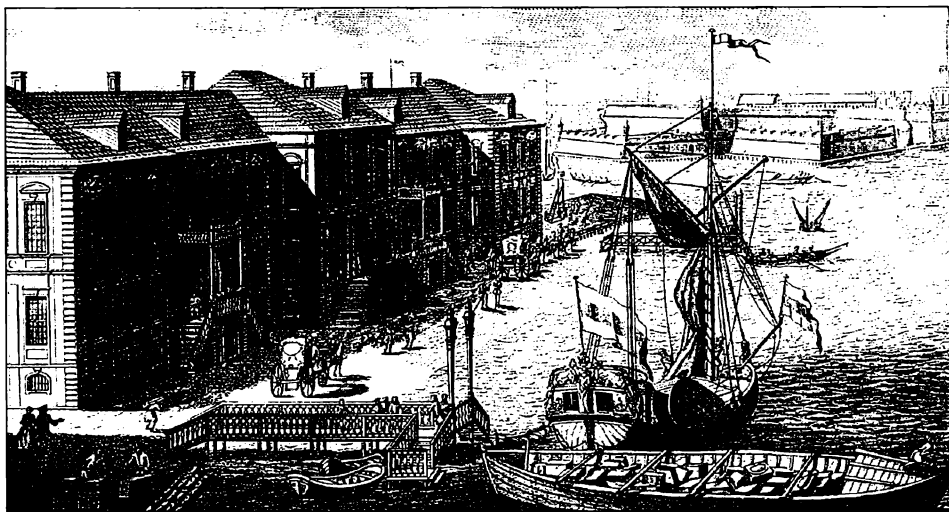
³⁶⁹ Борисова Е. А. О ранних проектах зданий Академии наук // Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 57.

³⁷⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 4. Л. 46.

³⁷¹ О жизни Французской слободы см.: Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 22—25.

³⁷² РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 7. Л. 50.

³⁷³ Подробнее см.: Иогансен М. В. Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 47—51.

Здание Академии наук. Фрагмент гравюры «Проспект вверх по Неве реке от Адмиралтейства и Академии наук к востоку». Е. Г. Виноградов. 1750—1753

Началась застройка и других мест, примыкающих к Стрелке. В июне 1723 г. Петр предписал призвать «архитектуров всех, чтоб они зделали всякой особой чертеж каким образом на острове Мытной двор построить лицом, к тому призвать и Дрезина (Трезини. — Е. А.), дабы оной им положения места объявил».³⁷⁴ Стремлением создать ансамбль вокруг «Луга» — площади, которую должны были образовать здание Двенадцати коллегий, Гостиный двор и другие сооружения, проникнуто было распоряжение Петра 1724 г., чтобы возле Кунсткамеры и Академии «зделать позади каменное строение... таким образом, чтоб в нижнем апартаменте к лугу быть лавкам и ходу со сводами для сходства с Коллегиями и с Гостиным двором».³⁷⁵ План пристройки к Кунсткамере и Академии в виде галереи для лавок и жилья профессоров Академии разрабатывал Трезини.

Последовала серия суровых указов об обязательном переселении дворян на остров, летом 1721 г. активно шло «розмеривание и просекание улиц и каналов».³⁷⁶ Уже после смерти Петра Трезини писал, что отвод, «размерение местам и всякое строение» надлежит делать по указам Петра «регулярно, по данным от меня чертежам» и что император «сам изволил ездить по улицам на том острове, по роздаче таких незастроенных по линии мест... изволил приказывать мне неоднократно».³⁷⁷ Но застройка,

³⁷⁴ Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. С. 210—211; РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 33а. Л. 157; см.: Бунин М. С. Стрелка Васильевского острова. М.; Л., 1957. С. 183—189.

³⁷⁵ Борисова Е. А. О ранних проектах... С. 57.

³⁷⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 16а. Л. 34, 36.

³⁷⁷ Лисаевич И. И. Доменико Трезини. С. 52—53.

несмотря на царственные понукания, шла медленно, в 1722 г. из 3,3 тысяч участков «нарезано» было 400 участков, а фундаменты заложили всего 257 дворохозяев.³⁷⁸ В виде заложенных и брошенных фундаментов застройка Васильевского представляла перед гостями города даже в конце 1730-х гг.

Вдоль берега на запад от Меншиковского дворца в 1718 г. появились пять церковных подворьев (Троицкое, Ростовское, Новгородское, Рязанское и Псковское). По плану Майера 1738 г. можно утверждать, что на месте современного Румянцевского сквера был рынок, перенесенный позже к Андреевской церкви на Большом проспекте. Естественно, что никакого Большого проспекта при Петре еще не существовало — остров густо порос лесом и «просекание» его было главной работой строителей. От сада при дворце Меншикова на запад отходила прямая, как стрела, просека через лес. Она пронизывала весь Васильевский остров до самого взморья и впоследствии превратилась в Большой проспект. В конце просеки, на берегу моря, виднелся высокий дом с башней, служившей хорошим ориентиром для шедших от Кронштадта кораблей. Позже, в 1722 г., после того как была выкопана Галерная гавань, на эту оконечность острова переместился разросшийся галерный флот и Галерная верфь.³⁷⁹ Здесь было много специальных сооружений. По запискам иностранца К. Р. Берка видно, что галеры хранились зимой на берегу в особых деревянных ангарах.³⁸⁰ Саму гавань, верфь и ангары строили жившие в расположенном рядом новом остроге каторжники — галерные гребцы. Рядом с гаванью в Галерной слободе стояли дома моряков галерного флота и кораблестроителей — специалистов по галерам и другим гребным судам (это современные Шкиперский проток, Весельная улица Васильевского острова).

Здесь кончалась обитаемая человеком твердая земля. Дальше тянулись болотистые берега, мели Финского залива. Повернувшись лицом к морю (отсюда название «Наличная улица»), город здесь жадно, всю грудью вдыхал свежий морской воздух. Стоять у самой кромки волн ему было предназначено судьбой.

³⁷⁸ Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. С. 116.

³⁷⁹ Сережина И. И. Статья при море: Первые верфи и гавани Петербурга // ЛП. 1983. № 10. С. 19—20.

³⁸⁰ Берк К. Р. Путевые записки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 236.